

Александр Амфитеатров

Питерские контрабандистки



Александр Валентинович Амфитеатров

Питерские контрабандистки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2779715

Аннотация

«Из всех городов Российской империи Петербург – наиусерднейший по торгу с Парижем произведениями моды, подлежащими высокой таможенной пошлине. Из всех городов Российской империи Петербург – наиуспешнейший по контрабанде парижскими и, вообще, европейскими модами. Петербургские магазины завалены товаром парижских модных мастерских, никогда не виденным глазами, никогда не ошупанным руками таможенных досмотрщиков, хотя доехал этот товар к месту своей продажи отнюдь не в выдолбленных осях экипажей, не под шинами колес, не в двудонных сундуках и двубоких чемоданах, – вообще, без всяких плутовских ухищрений старого чичиковского времени. Нет, его не прятали, везли в открытую, без всякой опаски, даже представляли на таможенный досмотр...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Александр Валентинович Амфитеатров Питерские контрабантистки

Из всех городов Российской империи Петербург – наиусерднейший по торгу с Парижем произведениями моды, подлежащими высокой таможенной пошлине. Из всех городов Российской империи Петербург – наиуспешнейший по контрабанде парижскими и, вообще, европейскими модами. Петербургские магазины завалены товаром парижских модных мастерских, никогда не виденным глазами, никогда не ошупанным руками таможенных досмотрщиков, хотя доехал этот товар к месту своей продажи отнюдь не в выдолбленных осях экипажей, не под шинами колес, не в двудонных сундуках и двубоких чемоданах, – вообще, без всяких плутовских ухищрений старого чичиковского времени. Нет, его не прятали, везли в открытую, без всякой опаски, даже представляли на таможенный досмотр.

Кто же и как провозит эту дорогую и изящную контрабанду?

Нечаянный ответ на вопрос я получил от одной бессознательной преступницы по этой части, очень молоденькой и

хорошенькой русской дамы из более чем «порядочного» общества.

— В последнюю свою поездку за границу, — смеясь, говорила она, — я вела себя немножко неумно. Истратила гору денег. Накупила всяких пустячков в Берлине, в Вене, в Италии, а все главное и необходимо нужное оставляла купить, конечно, в Париже. Прибавьте, что не удержалась — заглянула в Монте-Карло, — и... комментарии излишни. В Париже, как водится, влюбилась в магазины, увлеклась. Носили ко мне пакеты, носили; платила я по счетам, платила... В один печальный день подсчитываю свои финансы и с ужасом убеждаюсь, что зарвалась: кредит в банке истощен, в номере у меня целый Монблан ненужных, но безумно дорогих вещей, а в кармане сто двадцать франков. Приходится телеграфировать мужу, чтобы выручал, и ужасно перед ним совестно. Мы далеко не богачи, дела наши в настоящее время очень не блестящи, — у кого, впрочем, они хороши? — денег мне муж и без того уже выслал чересчур щедро, гораздо больше, чем я имела право тратить — в последней телеграмме просил быть экономной, покупать осторожно. Нет, как ни повернуть дело, — нельзя беспокоить мужа: позор и стыд. Думаю про себя: не найду ли в Париже кого-нибудь из петербургских друзей? Нет, как нарочно, ни души: конец сезона, все разъехались. Такое отчаяние. И вдруг, нечаянно-негаданно, — спасена! Прямо с неба слетел ангел-избавитель и все устроил в двадцать четыре часа... Угадайте, как?

– Вероятно, вы продали часть вещей?

– Как бы не так. Разве я затем их покупала, чтобы потом продавать? Могла ли я с ними расстаться? Я в них просто влюблена была...

– Заложили свои bijoux¹? Кредитовались в отеле?

– Как можно? Что вы! С моим то положением? С моей фамилией?

– Тогда, простите, отказываюсь понимать.

– И ни за что вам не догадаться, если не расскажу сама. А между тем, ларчик открывается очень просто, и все уладилось так мило, учтиво и приятно, что вы не в состоянии и вообразить. Мы, бедные, грешные русские дамы, способны хранить свои маленькие секреты от кого угодно, только не от француженки-горничной или модистки. Вот и разговорила я однажды с прелестной барышней, которую один крупный магазин прислал ко мне, как примерщицу, а в разговоре выложила ей свое горе. Она выслушала, улыбнулась и отвечает:

– Это очень частая история, и в ней нет решительно ничего трагического.

– Ах, вы не знаете моего мужа...

– Вашему мужу незачем и знать о вашем безденежье. Вы можете прекрасно заработать эти деньги сами, здесь, в Париже.

– Я, мадемуазель? Бог с вами! Я выросла баловницей... Я

¹ Украшения (*фр.*).

не имею даже понятия, как и что можно работать для денег...

— Мадам, неужели я осмелилась бы предложить вам какую-нибудь грубую работу? Слава Богу, я умею различать людей и вижу, с кем имею дело...

Тут у меня явилось новое сомнение. Женщина я молодая, собой, говорят, недурна, путешествую одна, без компаньонки, — не принимает ли меня эта госпожа за искательницу приключений, не собирается ли предложить мне... Вы понимаете?

— О, очень понимаю!

— Но — нет, не то. При одном намеке на мои сомнения, она так и вскипела... «За кого мадам меня считает? Разве мадам неизвестно, какой фирмы я представительница? Разве честь дома позволила бы моим патронам терпеть на своей службе особу, способную на подобные проделки и предложения?»... Даже отпаивать водой ее пришлось и извиняться потом: так расходилась... Ну, а как и чем она меня спасет, все-таки не сказала... Положитесь, говорит, на меня: вам не придется сделать ничего неловкого, даже неприятного, — просто, можно сказать, ничего от вас не потребуют, совсем, совсем ничего!..

— За ничего, Люси, денег не дают. Поставят какие-нибудь обязательства.

— Никогда. Уверяю вас: не вас обяжут, вы обяжете. Да так, что если бы вы и в Петербурге оказались не при деньгах, то можете хоть совсем не платить. Вот, значит, какую услугу вы

в состоянии, шутя, оказать.

Отвечаю:

– Не платить я не могу и не хочу, потому что принимать подарки от неизвестных людей не в моих правилах. Но, если дело сводится к тому, чтобы услуга шла за услугу, тем лучше, с тем более легкой совестью я займу деньги...

Назавтра утром подают мне карточку какой-то мадам Дюран. Имя ровно ничего не говорит: во Франции Дюранов и Ламбертов чуть ли не больше, чем у нас Ивановых. Принимаю. Входит дама лет сорока пяти, буржуазка, очень приличная, одета просто и элегантно, заметно, что туалет стоит больших денег.

– Мне сообщили, что вы в маленьком затруднении. Не позволите ли мне вам помочь? Сколько вам надо?

– Думаю, что обойдусь двумя тысячами франков.

– Пожалуйста, не стесняйтесь... Если надо больше...

– Нет, я разочла, что обойдусь.

– Прекрасно. Я могу ссудить вам эту сумму.

– А условия?

Мадам Дюран пожала плечами.

– Какие же условия между двумя порядочными женщинами? Я не процентщица. Когда будут деньги, пришлете мне долг. Вот и все.

Прямо благодетельная фея какая-то!

– А вот, – продолжает, – об одолжении небольшом я буду просить вас очень усердно...

– Все, что могу... Вы так меня выручили... Я не знаю, как вас благодарить...

– Дело пустое: я только попрошу вас взять с собой в ваш багаж ящик, который я посылаю в Петербург.

– С удовольствием, если только в нем не будет трупа, разрезанного на части. А то с полицией выйдут хлопоты и, главное, я боюсь покойников.

Смеется:

– О, нет! Я только хочу просить вас передать подарки моей племяннице. Моя сестра живет в Петербурге, у нее большая модная мастерская, и вот теперь она выдает дочь замуж. Это свадебные дары.

– Прекрасно. Большой ящик?

– Да, порядочно велик. Но, мадам, перевозку я, конечно, беру на свой счет.

– Да я не к тому. А, может быть, посылаете много вещей? Тем более, если к свадьбе, то, значит, дорогие...

– Да, есть ценности.

– В таком случае, простите, но я могу принять их от вас только по описи... Мало ли-что может случиться в пути, и какие потом возникнут недоразумения?

– Конечно. Вы правы и благоразумны. Очень хорошо. Будет сделана опись.

– А кому я должна буду отдать ящик в Петербурге?

– О, не беспокойтесь об этом! К вам явится мой брат или племянник. Отдайте тому, кто предъявит вам рекомендацию

от меня.

– Тогда все в порядке. Привозите ваши сокровища.

Привезла сундук. Действительно, целая башня. Как открыли мы его, я так и ахнула. Глаза разбежались. Вещи ослепительные. И чего-чего там только не было! С ума можно сойти: такие прелести. Никогда ничего не видала богаче и лучше. Поахала я над сундуком, повздыхала – приступили к делу. Отсчитала мадам Дюран мне две тысячи франков, взяла с меня расписку в них, под описью сундука мы обе вместе тоже подписались, – откланивается. А меня любопытство мучит.

– Простите, но я страшно заинтригована: что побуждает вас кредитовать меня, незнакомую вам женщину, на таких льготных условиях, да еще доверять мне этот ценный сундук? Ведь в нем, по меньшей мере, тысяч на сорок франков дорогого товара.

Мадам Дюран, на это в ответ, спрашивает меня с искренностью:

– Ведь вы действительно госпожа N.?

– Самолично.

– Ваш муж занимает в Петербурге такой-то пост?

– Да.

– В прошлом году вы ездили за границу и возвращались на родину тоже с большим багажом?

– Ваша правда.

– И пограничная таможня не осматривала ваших сунду-

ков?

– Нет, осматривала, но очень поверхностно: только поотпирали замки да подняли крышки. А внимательно, как у других дам, моих вещей никогда не осматривают...

– О, конечно! Вот, видите ли, нам все это прекрасно известно. И потому-то я решилась поручить вам этот сундук, что, среди ваших вещей, его осматривать не станут и, следовательно, родные мои получают вещи без пошлины. А пошлину им пришлось бы заплатить в размере гораздо большем двух тысяч франков, которыми вы желаете у меня кредитоваться.

В Петербурге ко мне явился тоже как-то утром очень учтивый и порядочный на вид француз, – по типу commis²

² Приказчик (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.